

18+

Сергей Корчагин

*Отблески
и тени*

Стихи

Сергей Корчагин

Отблески и тени. Стихи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51616722

ISBN 9785449827487

Аннотация

О чём эта книга? Наверное, обо мне. Есть в ней отблески моих радостей, тени печалей, попытки осмыслить день сегодняшний и вчерашний. А чего в ней нет, так это абсолютных Истин и попыток кого-нибудь научить чему-то важному. Есть Истины, которые мне кажутся таковыми. Тут под одну обложку собраны стихи, написанные сугубым «технарём» примерно за сорок лет. Стоило ли это делать, судить не мне. Буду очень рад, если кому-то она поможет скоротать вечерок. С уважением, Сергей Корчагин.

Содержание

ГЛАВА 1	7
На Протве	9
«Очень хочется быть добрым...»	11
Бабушке	12
Хочу в отпуск	13
«Ветер жизни вымел головы...»	14
«Show Must Go On...»	15
«Как изменились поводы для встреч!...»	17
Натюрморт	18
В старом доме	19
«Ночь, больничный коридор, тишина...»	21
«В тёмном перекрестии окна...»	23
В деревне называли нас «Буксирами»	24
Моей Украине	26
Вечные вопросы	27
Ваза	28
На пешеходном мосту	29
Ночной город	33
«Как холодно ночью и днём не теплее...»	34
Сыну восемнадцать	35
На концерте А. Дольского	37
«Как разорванные бусы...»	39
«Выпью горькое лекарство...»	41

«Словно плачет домовой ...»	42
«Как клапан на душе – стихи...»	43
«Я привык уезжать...»	44
Лица	45
«Не просто ночь, не просто снег ...»	46
Маме	47
«Какое счастье встретить тех, чьи души...»	48
Сыну	49
«Так давно не писал...»	51
«На остановке автобуса...»	53
Новогоднее грустное	54
«Дочка пишет стихи, рифмы в них...»	55
«Гости Нового года, на балконах домов...»	56
Когда	57
«Люди без Родины, как то вам дышится...»	58
Сон про часы	60
Как быть?	61
Мой старый дом	63
«Нас окружают отблески и тени...»	65
«Давай не будем ждать зари...»	66
«Я привык расписываться кровью...»	67
Давнее	68
Лилия	70
«Нам вряд ли удастся поднять долгожительства планку...»	71
«Тени тянут руки чёрные...»	72

Таратайка жизни	73
«Усталый кораблик из листика в клетку...»	74
«Я плету кружева...»	75
«Я считал свои долги – цифры что-то не сходились...»	76
Недодождик	77
«Я не устану повторять ...»	78
«Ах, батюшки!» ...»	79
В городе теней	80
«Вилась тропа по горной круче...»	82
Город	83
«Давай разбудим тишину...»	84
«Какая странная судьба!...»	85
«Облетают с меня печальки...»	86
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Отблески и тени

Стихи

Сергей Корчагин

Анастасия Козлова *Иллюстратор*

© Сергей Корчагин, 2020

© Анастасия Козлова, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4498-2748-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1

КАК КЛАПАН НА ДУШЕ – СТИХИ

На Протве

Оживает речка детства.
Рядом «умерли» заводы
И уже не травят вместе
Воздух, землю, лес и воду.
Снова рыба заплескалась
На знакомом перекате,
И кувшинки, закрываясь,
Прячут сердце на закате.
В реку дождик не смывает
Злую жижу удобрений.
А над пашней не бывает
Нынче тёплых испарений...
Потому что НЕТУ пашен!
И от ферм – одни скелеты,
Их оскал беззубый страшен.
Как беду исправить эту?
Кто сумеет, кто научит
Нас не гадить повсеместно,
Чтоб не жить в «навозной куче»?
Я не знаю, если честно...
Кто поля весной разбудит,
В борозду положит семя
И когда такое будет?
Может быть, научит время...

Речка ж пусть тихонько плещет
И журчит на перекате...
Где бы взять вопрос полегче?
Ну, даст Бог, терпенья хватит...

«Очень хочется быть добрым...»

Очень хочется быть добрым
Очень хочется не злиться,
Когда лупит жизнь по рёбрам.
Всех прощать, не материться.
Не судить других поспешно,
Верить, что придёт прозрение.
Не ко всем придёт, конечно,
Но ведь будет озаренье!
Очень хочется... и всё же,
Как сапожник, матом крою...
Помоги, не знаю, Боже,
Как мне справиться с собою?

Бабушке

Ты придёшь усталая, седая.
Телогрейку снимешь у порога,
Прислонившись к печке, отдыхая,
Ты не сядешь – постоишь немного.
Замела метель скрипучим снегом
Синий домик у замёрзшей речки,
В горнице чуть пахнет свежим хлебом,
Да поёт сверчок в углу за печкой.
И опять с привычною заботой
Заснут натруженные руки.
За работой, вечною работой,
Никогда не знающие скуки.

Хочу в отпуск

Как прекрасен и ленив
воздух ласкового юга!
Он в себе соединил
запах моря, вкус досуга,
Беззаботный и хмельной,
кружит голову, дурманит.
Тихий шепоток волны
сладкой сказкою поманит...
Шорох гальки под ногой,
крики крымского базара,
Синь небес над головой,
раскалённость тротуара,
Тень резная под ногой,
кипариса запах резкий...
Раскадровкою такой,
беспорядочной «нарезкой»
Из былого и мечты
Крым зовёт меня в дорогу.
Я готов уже... скорей,
не дождусь никак, ей-богу!

«Ветер жизни вымел головы...»

Ветер жизни вымел головы,
смёл романтику и волосы
Да виски совсем нам сединой
запорошил.

Только сердце что-то мается
и скулит дрожащим голосом
Про судьбу несправедливую
да метания души.

Всё ему чего-то хочется,
чтобы света, чтобы трепета...
Чтобы добрым и порядочным
повольготнее жилось.

Но хохочет погань всякая
над его невнятным лепетом,
И дорога наша тянется
по ухабам вкривь и вкось.

«Show Must Go On...»

«Вся наша жизнь – игра...»

Наша «пьеса» продолжается
новым актом с понедельника.
Мы её играем яростно,
так, что сердце на разрыв!
Все! И роли у нас главные.
И трудяги, и бездельники —
Все играют очень жизненно,
в труппу Жизни поступив.
Мы с листа играем набело,
и суфлёрской нету будочки,
И накал страстей, как водится,
с каждой репликой растёт.
Потихоньку за кулисою
нам играет Пан на дудочке.
А из зала смотрят критики
и суровый режиссёр.
Никаких поблажек юности,
ну а старости – тем более,
Нет в сценарии неписаном —
сами строим диалог...
На овацию надеемся,
надрываемся до боли мы.

И считаем жизнь удачною,
коль услышим хоть хлопок.

«Как изменились поводы для встреч!..»

Как изменились поводы для встреч!
Всё чаще собирают нас не свадьбы...
И сердце не шутейно стало жечь,
Я плохо сплю, хотя поспать и рад бы.
Друзья уходят... и всё реже круг
Родных, что были старше нас годами.
И как-то постепенно стало вдруг,
Что старшими становимся мы сами.
Как трудно верится, что ты уже не юн,
Что сонм забот превысил сонм желаний,
Что звон душевных потаённых струн
Звучит как эхо из воспоминаний!
Как изменились поводы для встреч!
Уж на безумства не хватает прыти,
Стал уже разворот усталых плеч,
И даже седины редуют нити...
Я не ропщу. Всё так должно и быть.
Уж дети выросли, и мир открыт для внуков,
Всё как и надо, только б жить и жить...
Такая, в сущности, обыденная штука...

Натюрморт

Огурец на дощечке лежит
Да полбулки засохшего хлеба.
А в гранёном стакане дрожит,
Отражаясь, холодное небо.
Подоконник газетой накрыт,
Рядом кепка и мастерок...
Примостился тихонько и спит
В этой кепке лохматый щенок.
Мне запомнился простенький холст
В зале маленьком сельского клуба.
А быть может, он вовсе не прост?
И сюжет, может, вовсе не грубый?

В старом доме

О чём-то шепчут половицы,
Часы с одышкою стучат.
Портретов смазанные лица
С безликой важностью молчат.
Чуть тлеют уголья в камине,
И алый блик дрожит слегка
В хрустальном маленьком графине.
Портьеры лёгкая рука
Живёт в дыханье сквозняка.
Зовёт кого-то, опадая
Безмолвной тенью, замирая,
Вдруг прижимается к стене
И ждёт, когда вернётся ветер.
Она верна ему, верней
Любой жены на целом свете —
Он призрак жизни будит в ней.
От старых кресел пахнет тленом,
Медвежья шкура — лапы влёт —
Спит на полу. О незабвенном
Сверчок невидимый поёт.
Табачный дым плывёт клубами
И тает где-то там, над нами,
Под старой люстрой, что, сверкая
Из темноты холодной гранью,

Хранит в себе воспоминанья
О днях, которых мы не знаем.
И лёгким звоном провожает
Полёт времён, и дым, и пламя...
Из зазеркалья ночь глухая
Глядит безумными глазами...
А время движется, вздыхает
И замирает между нами.

«Ночь, больничный коридор, тишина...»

*С трепетной благодарностью кардиохирургу
Василию Ивановичу Терещенко*

Ночь, больничный коридор, тишина,
Я стою тайком, как вор, у окна.
Я у смерти жизнь украл. Повезло.
Лбом горячим упираюсь в стекло.
Тут в палатах столько боли лежит...
От дыханья моего мир дрожит
За холодным запотевшим стеклом.
Медсестричка на посту за столом...
Сердце бухает неровно в шунтах,
Запах смерти притаился в бинтах.
Грудь на крепкую затянута нить.
Но как здорово, как хочется жить!
Доктор, милый, ты воистину бог,
Ты отбить меня и вытащить смог
Из-за самой распоследней черты,
Той, где вечность, где венки да цветы...
И теперь вот я стою у окна,
Жду, когда с небес исчезнет Луна
И из пены золотых облаков
Солнца лучик мне подарит любовь!

Он подарит Утру Жизнь в тишине
И малюсенькую толику – мне...

«В тёмном перекрестии окна...»

В тёмном перекрестии окна
пауком,
Рядом спит Луна
с потолком.
Тяжко, как нарыв,
тишина болит.
У плеча волос грянул «взрыв» —
жена спит.
Где-то сдавленный вздох часов
или всхлип.
Эхо, отзвуки голосов,
двери скрип...
Друг за Радугу ушёл —
в звёздный дым,
До обидного ушёл
молодым...
И не в том беда, что мне
страшно спать...
А что к тризнам стал уже
привыкать...

В деревне называли нас «Буксирами»

*(1976 год, деревня Бахмутово, Баятинский р-н
Калужской области)*

Тоненький дымок от сигареты
Да подслеповатое окно,
Жаркое, натруженное лето —
Память словно старое кино...
Синенький вагончик на две комнаты,
Улочка в роскошных лопухах...
Почему же вы мне так запомнились,
Почему откликнулись в стихах?
Ведь была же проза повседневная —
Труд с рассвета, плохонький обед.
Жизнь была совсем обыкновенная,
Без удач и без особых бед.
А быть может, было просто здорово!
Запах сена, вилы и стога,
Лошадёнка со спокойным норовом
В беленьких «чулочках» на ногах.
И родник под старою осиною
Да речушка в зарослях ольхи,
Женщина с тяжёлою корзиною,
Хриплые от крика петухи.

Зарево вечернее бездонное
И картошка с кислым молоком.
Деревушка серенькая, сонная
И стакан с поникшим васильком.
Да друзей весёлая компания.
Маленький студенческий мирок.
Вот такой, без громкого названия
Юности счастливый островок.

Моей Украине

Любовь и жалость на Руси – синонимы от века.
Любили Родину и мать, жалели человека.
Мы тоже любим мать свою, детей и дом свой отчий!
Но отчего же сапогом мы всё святое топчем?
Забыта кровь, забыта честь и дедовы наказы,
Жиреют жадность, ложь и лесть и все пороки сразу!
Теперь предатели в чести – пируют недобитые,
А предков скорбные кресты лежат в траве забытые.
Ты отрекаешься теперь, ломаешь скрепы прошлые!
А я твержу: всё это ложь! Хорошая... хорошая...
Давно седая голова, а всё поверить не могу,
Что мы не вместе навсегда, и «жалость» в сердце берегу!

Вечные вопросы

Стихов затейливая вязь,
что это в сущности – наука,
Доступная для пониманья,
Иль отраженье миром звука
Его, Создателя, дыханья?
Что есть талант? Лишь тяжкий крест
иль Божья длань над колыбелью?
И тень Его из горних мест,
нас в путь зовущая свирелью?
Зачем терзаем души мы,
слова усиленно ровняя?
Затем ли, чтоб бежать от тьмы
иль чтоб увидеть призрак рая?
Что в звуке том? Вопрос не нов,
веками людям сердце гложет...
Но дай нам сил, Великий Боже,
терзаться им и вновь, и вновь!!!

Ваза

Разбилась ваза вдребезги,
хрусталь, как искры колкие,
 рассыпался по комнате
 блестящими осколками.

Ещё живёт дрожанье рук,
ещё дыханье схвачено,
 был звон как крик, и красота
 уже навек утрачена.

Разбилась, упустил из рук.
И только мысли горькие.
 А если сердце так же вдруг,
 звонящими осколками?..

На пешеходном мосту

Подо мною, гремя,
пролетает состав за составом.

Едет кто-то на свадьбу,
а кто-то – отца хоронить,

Кто-то в тамбуре курит,
по лёгким гоняя отраву,

Кто-то пьёт в одиночку,
пытаясь себя позабыть.

Люди едут домой,
люди едут за новой работой,

Мчатся в завтрашний день,
оставляя покой на потом,

Тепловозы кричат,
захлебнувшись призывною нотой,

Вжавшись в рельсы,
как в жизнь,

Под моим
пешеходным мостом.

Пролетают составы
по гладкой накатанной стали,

Разорвав горизонт,
оставляют меня позади,

И уходят туда, где их ждут
или ждать перестали,

И увозят людей за метель,
за туман, за дожди...

И опять, приближаясь,
грохочут литые колёса.

Бьётся ветер дороги
мне в сердце упругой волной.

Занавески на окнах купе
словно знаки вопроса:

Что несёте, кому,
вы, стыдливо укрыв за собой?

Что там, боль или радость
под мокрую крышей вагона?

Или грустная сказка
о юной любви в пятьдесят,

Или песня такая,
что сердце сжимает до стона,

Иль дорожная свара
под храп и отрывистый мат?

Проводницы, и чай,
и холодные жирные куры,

Чемоданы под полкой
и кем-то забытый берет...

Да девчушка в проходе
с совсем ещё детской фигурой

И с обидой на взрослость,
которой пока ещё нет.

Всё проносится мимо,
лишь холод перил под руками,

Синий свет фонаря
да озябший пустынный перрон.

Я стою в темноте

над летящими в ночь поездами,

Да и мост мой давно

превратился в плацкартный вагон...

Ночной город

Даже ночь не приносит забвения
От кишашей дневной суеты.
В ней камнями грохочут мгновенья,
В ней пустые дворы не пусты.
Город дышит устало и нервно,
То вдруг скорою вскрикнет во сне,
То шагами пробухает мерно,
То вдруг лампою вспыхнет в окне,
То застонет гудком на вокзале,
То афишами вдруг зашуршит,
Заскрипит на углу тормозами
И притихнет – и вроде бы спит.
Что же мучит его и тревожит
В этот гулкий предутренний час?
Может, день был неправильно прожит?
Может, мается он из-за нас?

«Как холодно ночью и днём не теплее...»

Как холодно ночью и днём не теплее.
Но думай о лете, не жмись к батарее.
Быть может, поможет, а может, не очень...
Мир грёз, к сожалению, очень непрочен.

Как холодно ночью и днём не теплее.
Не думай об этом – прильни к батарее...
И холод в печёнку проникнет тогда —
Не топят проклятые, просто беда!

Как холодно ночью...

Сыну восемнадцать

Вот и выросли дети...
По закону теперь
Мы за них не в ответе...
Как захлопнули дверь.

Вроде вот они, рядом,
Вроде всё как вчера,
Вроде всё так, как надо...
Только в сердце дыра.

Почему-то тревога,
Слёзы жгутся в глазах,
И улыбкой убого
Прячу дрожь на губах.

А ведь думал, я сдюжу.
Не согнуть, не сломать...
Слёзы рвутся наружу,
Стало трудно дышать.

Вот и младшенький – взрослый,
Жизнь на «до...» поделив
И теперь уже «после...».
Дня рожденья мотив:

«К сожалению,
День рожденья
Только раз в году...»
Ду... ду... ду...

На концерте А. Дольского

26.02.2012 в «Гнезде глухаря»

Приходил седой волшебник,
приносил с собой гитару.

В иронической улыбке
прятал мудрые глаза.

И вдруг как-то оказалось,
что совсем он не был старый

И не песни это были,
а простые чудеса.

А гитара чуть вздыхала,
расходилась понемногу,

Громыкала издалёка,
как весенняя гроза.

Зал, дышавший еле-еле,
вдруг взрывался от восторга.

И мгновенно пролетели

в этой сказке два часа.

Пальцы мастера ласкали
чёрный гриф его любимой.

И гитара чутким звоном
точно вторила словам.

Звуки всех околдовали,
стало вдруг необходимо

Просто сердцем прикоснуться
к этим самым чудесам.

Да, Волшебник был Поэтом,
настоящим, без сомненья.

Ни одним фальшивым звуком
не тревожил слух людской.

Это всё-таки от Бога —
и талант, и вдохновенье,

И душевная тревога, —
ведь на этом Свете белом

Он единственный Такой!

«Как разорванные бусы...»

Как разорванные бусы
годы сыпятся сквозь пальцы,
Дни слезинками пятнают
под ногами пыльный пол.
Лишь вчера под бой курантов
с поздравлений начинался,
Не успели оглянуться —
год уже почти прошёл.
И несёт безумный танец
всё быстрее и быстрее,
И летишь – всё будет завтра,
и удача, и друзья.
Только в этой пляске жизни
все стремительно стареют.
И глядит из зазеркалья
кто-то близкий, но не я.
Он, наверное, мудрее,
только грустный почему-то.
Не такой, каким привык я
с детства думать о себе.
Он, как будто бы из завтра,
оглянулся на минуту.
И ведь знает, но не скажет
ни словечка о судьбе.

«Выпью горькое лекарство...»

Выпью горькое лекарство
От хронической тоски.
Не поможет, лишь умножит
отражений огоньки,
Что дрожат хрустальным бликом
в сердце хлебного вина,
Что глаза слезой туманят,
хоть пригубишь, хоть до дна...
Нет разгула, нет веселья,
нет улады молодцу.
Только борозды сомненья
чертят лапой по лицу.
Только память в сердце жалит,
не прогнать, не утопить!
Шепчет подлая, а может...
Может быть... Не может быть...

«Словно плачет домовой ...»

Словно плачет домовой —
Воет в шахте лифтовой
Ветер...

Одиночеством храним,
горемычен, нелюдим
он на свете.

Горько плачет в темноте,
безутешно,
Над собой иль надо мной,
грешным.

То затихнет, то опять
стонет.

И души моей струну
лапкой тронет.

Она дрогнет в унисон,
и довольно...

Только что же сердцу
так больно?

«Как клапан на душе – стихи...»

Как клапан на душе – стихи,
Чтоб жизнью крышу не сносило,
Стихов живительная сила
Давленье сбросит. От трухи
Разбитых грёз избавит чувства.
Волшебным образом искусство
Снижает градус наших дум
И успокаивает ум!

«Я привык уезжать...»

Я привык уезжать,
я сроднился с вокзальной толпой.
Стал кишащий перрон
мне дороже проспектов широких.

И пускай я порою
смеюсь про себя над собой,
Только, видно, никак
мне уже не прожить без дороги...

Лица

Скупыми мазками на лицах людей
Усталость расскажет о трудностях дней,
Печаль – о беде и напастях,
Улыбка расскажет о счастье.

Ведь даже укрывшись за шторами век,
Ты душу не спрячешь свою, человек!
А вот равнодушья слепая печать
Про душу увядшую может сказать!

«Не просто ночь, не просто снег ...»

Не просто ночь, не просто снег —
тоска и стужа.

Бредёт усталый человек —
себе не нужен.

Его не ждёт никто давно —
о нём забыли,

Темным-темно его окно
в разводах пыли.

Он так промёрз, что даже спирт
его не греет,

Уже б дойти куда-нибудь...
но поскорее...

Маме

Я не буду ночью плакать,
 мокрой рот зажав подушкой,
 чтоб жену не беспокоить.

Глядя в тёмный потолок,
 твой портрет и так я вижу —
 я его на сердце выжег
 так, как смог...

Я уже смирился с болью,
 к ней почти привык...
 «Как тебя мне не хватает...» —
 это шёпот, а не крик...

«Какое счастье встретить тех, чьи души...»

Какое счастье встретить тех, чьи души
Звучат с твоей душою в унисон!

И с ними петь, вот этот звук послушай!
Он словно жизнь, плывёт со всех сторон.

Объединён одним сплочённым строем.
Мой шёпот влился в этот звонкий хор...

Я средь своих, я счастлив и спокоен,
Взлетаю ввысь, прими меня, простор!

Я не мальчишка – крепко бит и кручен,
Но если рядом верное плечо,

Я буду петь в мороз, жару и тучи...
Я с вами, сердце бьётся горячо!

Сыну

Умирать, сынок, не страшно —
Страшно жизнь прожить пустяшно,
Свет души растратить по пути.
Нам ведь, в сущности, немного
В этот путь дано от Бога,
Только то, что можно донести.
Мамин смех, улыбка дочки,
День Присяги, ночь на «точке»...
Что сумеешь в душу уложить,
С чем беду преодолеешь
И убогих пожалеешь —
С тем и будешь жить.
Освещай свой путь улыбкой,
Даже если по ошибке
Ты чужим её подаришь и друзьям!
Будет трудно, Бог поможет —
Твои силы приумножит,
Но, конечно, не плошай и сам.
Не ворчи – шагай по жизни!
Надо – так служи Отчизне.
Но и дом родной не позабудь.
Не скупись и не завидуй,
Не копи в душе обиды,
И тогда не будет тяжким путь.

Умирать, сынок, не страшно —
Все туда уйдём однажды.
Так устроен этот белый свет.
Будь добрее, помни маму,
Честным будь, не будь упрямым —
Вот такой даю тебе завет.
Очень верю, ты сумеешь,
Нашу старость обогреешь
И продолжишь род!
Нам ещё «с горы спуститься...»,
Мы хотим тобой гордиться!
Ты ж ступай вперёд...

«Так давно не писал...»

Так давно не писал,
а вот надо же, вновь повело,
потянуло к бумаге.
Что же, буду печали назло
вновь плести паутину из слов,
спотыкаясь на каждом шаге.
Возвращаться назад и опять
неподкупную рифму искать,
мысли втискивая в размер.
Снова буду ночами не спать,
горький дым сигарет глотать,
разгоняя химер.
Бесталанность свою кляня,
буду сталкивать глыбы слов,
в горле тяжкий сжимая крик.
Будет мучить опять меня,
возвращаясь всё вновь и вновь,
горькой радости светлый миг.
Так давно не писал
и, вот снова склоняясь к листу,
повседневность отрину прочь.
Буду сердце своё терзать
и надеяться, что красоту
мне стихами расскажет ночь.

«На остановке автобуса...»

На остановке автобуса
 женщина в синей курточке
 вешает объявление:
 «Продаётся коляска —
недорого,
 почти новая.
 Звоните после
 шестнадцати».
Её малыш уже вырос
 и важно шагает сам.
 Она такая счастливая
 и гордая преодолением
Первого рубежа.
 Читаю, и сердце
 ёкает —
 так захотелось
Купить эту
 повозку счастья...
 Как жалко, что мне
 пока
Она
 ни к чему...

Новогоднее грустное

Пахнет мандаринами, новогодней елью.
У сугробов спины пенятся метелью,
Гулко сердце ёкает, бьётся в такт минутам,
Пузырьки шампанского зябнут почему-то.
Только праздник радостный, что из детства родом,
Почему-то тягостней с каждым Новым годом.

«Дочка пишет стихи, рифмы в них...»

Дочка пишет стихи, рифмы в них
неуклюжи и ломки.

В них желанье любви, в них
дрожанье девичьей души.

Я боюсь напугать её словом
непрошено громким.

Ты пиши, дорогая,
коль хочется сердцу, пиши!

Пусть слезинки твои,
от девчачьих обид закипая,

Упадут на бумагу, я знаю —
так легче словам

Победить немоту,
это просто уловка такая.

Я ведь тоже порой
этим методом пользуюсь сам.

«Гости Нового года, на балконах домов...»

Гости Нового года, на балконах домов
Жмутся ёлочки робко к железным решёткам,
Ждут минуты, когда гордо вступят под кров
Наших тёплых квартир в пене снежного шёлка.
И игрушки, и дождь кисеёю златой
Чуть прикроют зелёную девственность ели.
И потянет вдруг в комнате детской мечтой,
И послышится смех новогодней метели.
И часы над притихшей землёй прозвонят,
И сойдутся бокалы под град поздравлений.
Ёлка в искрах огней спрячет грусть под наряд,
Грусть уже отшагавших своё поколений.
И смолистой слезой, незаметно для нас,
Жизнь, которую ради мгновенья
Мы сгубили, закончится в праздничный час
И уйдёт в темноту, не прося сожаленья.

Когда

Когда один и сердце колко сжимает стужа,
Когда друзья к тебе уже не лезут в душу,
Когда в окно скребётся ночь кошачьей лапой,
Ложится лунный блик дрожа дорожкой на пол.
Когда тебя никто не ждёт и не встречает,
Когда табачный горький дым пропах печалью,
Когда журчит магнитофон тихонько джазом,
Покрылся пылью жёлтый лист в хрустальной вазе,
Когда от памяти своей не отмахнуться,
Когда поймёшь, что во вчера уж не вернуться,
Когда устанешь так, что хоть с обрыва в омут...
Родятся честные слова и душу тронут.

«Люди без Родины, как то вам дышится...»

Люди без Родины, как то вам дышится
В тучных, богатых заморских краях?
Песня какая за морем вам слышится
В ваших подспудных предутренних снах?
В жизни всё цену имеет отдельную,
Что-то судьба раскроит и сошьёт...
Но на каком языке колыбельную
Вечером мать вашим внукам споёт?
Жить можно всюду – ведь дело не в месте,
Даже на полюсе люди живут!
Дело ведь просто в ответе по чести,
Кем вы себя ощущаете тут?
Русскими, так ведь колбасники сытые,
Русских не любят, боятся их тут!
Да и не диво, ведь русскими битые
Неоднократно тут люди живут.
Просто земляне, безликое нечто,
Гумус, в котором живёт, и жуёт,
И разрастается до «до бесконечно»
Стадо, забывшее имя НАРОД!
Политкорректное, гееобразное,
Самовлюблённое до тошноты,
В язвах мигрантов, злое и грязное...

Это вместилище вашей мечты.
Скоро Европа прикроет униженно
Чёрным хиджабом женщин своих,
И муэдзин загорланит обиженно
Для правоверных – не станет других.
Нет, не завидна судьба ваша сытая,
Космополиты сегодняшних дней.
Родина есть, на войне не убитая,
Хоть вы успешно забыли о ней!
Родина есть, да, сурова, взыскательна,
Но справедлива – она же ведь мать...
Глупых простит, пожурив обязательно,
Только иуд не умеет прощать!

Сон про часы

Часовщик-таракан крутит стрелок усы,
С тихим шорохом в прошлое сыплет часы.
В неустанном труде он и ночью, и днём —
Быстротечное время скрестилось на нём.
Он встречает, и он провожает года,
Он на вахте своей бесконечной всегда,
Он с изнанки глядит на изменчивый свет,
Для него тайны в прошлом и в будущем нет.
Все заботы людей для него суета,
Тик да так, его вера предельно проста:
Жизнь идёт до тех пор, пока дышат часы,
Пока маятник мерно качает веса
Между прошлым и будущим, капли минут
Неразрывною лентою жизни текут.
В этой сказке морали как будто бы нет,
Просто в лапках его и живёт белый свет!
Часовщик-часовой — страж основы всего.
Смотрит молча на нас он из сна моего.

Как быть?

Как странно вывернула жизнь
Вопросы вечные про Совесть.
Жирует дрянь, и, как ни кинь
Ты взгляд окрест, не беспокоясь
Чужими мыслями о ней,
Она плодит себе подобных.
И ей сопутствует успех!
Ей наплевать на неудобных,
Не рвущих с мясом всё из рук —
Своё, а вместе с ним чужое.
Она «кладёт» на всех вокруг,
Довольна и горда собою!
«Толстовцы», мы её растим,
Своим молчанием лелеем,
Непротивлением своим
Её мы делаем наглее...
Велик и мудр был Лев Толстой,
Но ошибался граф, поверьте,
От дряни способ есть простой —
Давить везде, всегда, до смерти!
Прощают честного врага,
Что побеждён на поле брани.
Но если честь вам дорога,
То не давайте спуску дряни!

Мой старый дом

В этом доме я вырос,
его окна мне были родными.
А теперь он глядит на меня,
и глаза его стали пустыми.
Нет за стёклами мамы,
и нет в них отцовского взгляда,
Всё тут стало чужим...
и сюда мне сегодня не надо.
Отвожу я глаза и скорей
вдоль него проезжаю,
Не вернуть ничего...
я от прошлого прочь убегаю.
Нахожу сто причин,
чтоб не ехать
В мой маленький город,
где когда-то был счастлив,
Любим и бессовестно молод.
ты прости меня, дом...
Ты прости, моя горькая память.
спрячу слёзы в слова,
И слова обернутся стихами.
ничего не вернуть,
Как бы я ни хотел возвратиться...
снится многое мне,

А вот детство и мама
не снится...

«Нас окружают отблески и тени...»

Нас окружают отблески и тени
Людей, событий, зла и красоты,
Забот, тревог, метаний и сомнений.
В безумии страстей и суеты
Нет сил остановиться на мгновенье,
Вглядеться пристально, дотронуться душой...
Как белки в колесе, живём в кружении.
И только смерть приносит нам покой.
А может, так и надо, равновесием
Мир утверждён на острие клинка —
Меж святостью и чёрным мракобесием.
Мы все бежим, и он живёт... пока...

«Давай не будем ждать зари...»

Давай не будем ждать зари,
Со мной, Луна, поговори.
Ты столько видела в ночи,
Ну, будь подругой, не молчи.
Про тех мне тихо расскажи,
Кто до восхода не дожил,
И кто родился в эту ночь,
И тех, кто понял, что помочь
Никто не сможет крест нести.
В глухую полночь на пути
Кто не дошёл чуть-чуть, почти.
Кто пал в проигранном бою,
За непутевую свою,
Всё растранижившую Русь.
Его судить я не берусь.
Он честно жизнь свою отдал,
Но, вряд ли, мучеником стал...
Давай не будем ждать зарю,
Я сам с собой поговорю,
И расскажу седой Луне
О том, что варится во мне...

«Я привык расписываться кровью...»

Я привык расписываться кровью.
За приказы или за долги.
И в стихи – банальность, но с любовью,
Капли крови падают с руки.

Я его опять в кулак сжимаю,
Сердце перешитое моё,
Пусть дрожит рука, я точно знаю —
Только так изменишь бытие...

Давнее

Я построил дворец из песка
На далёком речном берегу.
Солнце помню, а дату пока
Точно вспомнить, увы, не могу.
День был просто прекрасен тогда,
Беззаботно каникулы шли.
И на пляже, совсем без труда,
Многоцветно панамки цвели.
Были башни дворца высоки,
Ров с водою его окружал...
Вдруг порывом ударил с реки
Ветер, ивы склонил и прижал
Траву к разом притихшей земле,
Мелкой рябью весь плёс obeжал
И в речном отразился стекле...
И ударил дождём, разогнал
Детвору по домам от реки.
Я, конечно, домой убежал,
Были детские ноги легки.
Мир до ночи от грома дрожал.
Ну а утром на мокром песке
Весь в руинах мой замок лежал,
Утопив свои башни в реке.
Не забыть той обиды вовек

И бессильных мальчишеских слёз.
Я, давно уж седой человек,
Через годы их в сердце пронёс...

Лилия

Ах, как дрожат её ладошки
в тяжёлых капельках росы,
Как гордо на точёной ножке
воздет венец её красы,
Какие нежные изгибы
у снежно-белых лепестков.
Они уверенно могли бы
Затмить сияние снегов
в дрожащих отблесках светила.
Ей ветер оды шелестит,
в ней красоты холодной сила,
И имя Ли-ли-я звучит!

«Нам вряд ли удастся поднять долгожительства планку...»

Нам вряд ли удастся поднять долгожительства планку.

Гораздо привычнее жить широко, на износ.

Нам внешность порою являет не суть, а обманку

И гаденько шепчет про возраст нескромный вопрос.

А мы отмахнёмся от лет, что за важность такая?

Кому эти счёты на бурных порогах нужны!

Эй, ровно на вёслах! Я ритм, а не годы считаю.

А ну навались, пусть кипят за кормой буруны!

Пусть время ложится под киль присмирившей волною,

Пусть ветер срывает солёные капли со лба.

Вперёд, мой товарищ, восход нас зовёт за собою...

Вперёд же, смелее, пусть нас догоняет судьба!

«Тени тянут руки чёрные...»

Тени тянут руки чёрные
Через улицы бессонные.
Я по ним чиркаю фарами,
На мгновенье под ударами
Света тени будто ёжятся,
Под лучами им неможется.
И опять ладони жадные
Тянет вслед мне ночь прохладная
С неизменной постоянностью
И слепой голодной жадностью.
И когда-нибудь дотянется...
Вот тогда мне и достанется...

Таратайка жизни

По дороге смешной таратайкой
я судьбину толкаю свою.
Волоку на виду, без утайки
и без удержу громко пою.
Мне неважно, что голоса нету,
а медведь прошагал по ушам!
Славно эдак шататься по свету,
лучший слушатель – это я сам!
Если вопли мои раздражают,
замолчу или даже уйду,
Хоть, читатель, и я это знаю, —
Лучший повод и стимул к труду.
Но и даже без стимула рифма
рвётся в небо, как птица в полёт.
В такт больному сердечному ритму
Обо всём, что на сердце, поёт.

«Усталый кораблик из листика в клетку...»

Усталый кораблик из листика в клетку,
По пенной волне, по воде дождевой
Трагедии чьей-то несущий отметку —
Презлющую двойку вниз головой.

Она как проклятье на мокром борту.
И груз её клонит кораблик и топит.
Увы, не исправить контрольную ту,
А время-ручей всё торопит, торопит.

«Я плету кружева...»

Я плету кружева
из улыбок и слёз.
В них вплетаю слова
эхом утренних грёз.
Как безумный, ищу
этот бисер в песке.
Голым сердцем пишу
на дрожащей руке.
Будто капельки крови
стекают на лист...
Ну не хмурьте вы брови,
ведь я эгоист.
Я печали свои
никому не отдам.
Они только мои,
отстрадаю их сам!

«Я считал свои долги – цифры что-то не сходились...»

Я считал свои долги – цифры что-то не сходились,
И ведь вовремя платил, а долги росли, копились...
Почему? Ведь никогда на чужом горбу не ехал,
Зря людей не обижал, ни со зла, ни ради смеха,
Вверх не лазил по костям, на чужой беде не грелся,
Свой мирок построил сам, только отдохнуть уселся —
Честно ведь, своим горбом, до мозолей и надсады.
Не балован был судьбой, не желал чужой награды.
Вот сижу и не пойму, что за странности случились,
Как долги мои с судьбой взяли да объединились.
И выходит, что на них у меня одна валюта —
Жизнь сама, а в ней, как есть, звонкой денежкой —
минута.
Долг мой красен платежом, и его платить придётся...
Заплачу, ведь раз живём, что ещё мне остаётся.

Недодождик

Он ещё не дорос до дождика —
Водяная пыль, просто взвесь.
Будто дымкою с кисти художника,
Всё пропитано влагой здесь.
Вместе с ветром в любую щёлочку
Пробирается он легко.
Недодождик укутал ёлочку
В капель блёклое молоко.
Всё пронизано липкой сыростью,
Незаметно насквозь промок!
И мечтается, как о милости,
Отыскать сухой закуток.
Он крадётся предтечей Осени,
Он шагает её послom,
Мимоходом завесив просини
Мокрым сереньким полотном.

«Я не устану повторять ...»

Я не устану повторять —
Прекрасен мир! Красоты эти
Безмерно могут удивлять,
Но всё ж милей всего на свете
В неброской прелести своей
Знакомый с детства и любимый
Край светлой радости твоей —
С тобой с рождения единый.
Он просто есть, он твой навек,
Куда б судьбой ты брошен ни был,
Есть где-то место, человек,
Где ты впервые встретил небо,
Где осознал себя собой,
Где сердце ёкнуло впервые
От красоты земли родной.
Так мне милей всего Россия.

«Ах, батюшки!» ...»

«Ах, батюшки!» —
и всплеск руками.
Так бабушка
встречалась с нами.
«Уже приехали!» —
и счастья брызги...
Те встречи вехами
из детской жизни.
Варенье свежее
на блюде к чаю...
Как я по бабушке
 всю жизнь скучаю!
На горке кладбище
 моё высокое.
Вы все тут рядышком,
родные Соковы.
Вот тут и корень мой,
чего его искать?
Вот тут и Родина —
 точнее не сказать.

В городе теней

В этом городе теней,
Средь теней домов бесплотных,
Тени ломкие людей
Проплывают неохотно.
Тени рваные кустов
Распластались вдоль дороги.
Не поднимет их никто,
Только лишь фонарь убогий
Может ими покачать,
Да и то лишь с ветром вместе.
А молчания печать
Для теней есть дело чести.
В этом городе теней,
Полном ватной тишиною,
Тень моя бежит за мной,
Чтоб укрыть меня собою.
Бескорыстна и верна,
Молчаливее собаки,
Как восточная жена,
Под чадру упрятав знаки,
Мир сжигающих страстей.
Там кинжал в глубинах складок
Или ласки в темноте,
Чей дурман безумно сладок?

В этом городе теней
Не увидишь лиц прохожих.
Вот распяты на стене
Тень моя и чья-то тоже...
В этом городе теней
Что-то страх ползёт под кожу.
Боже, вспомни обо мне,
Ты меня помилуй, Боже...

«Вилась тропа по горной круче...»

Вилась тропа по горной круче,
В обнимку с облаком вилась.
И путник гордый шёл, могучий,
Но вдруг тропа оборвалась.
Что было дальше – знают скалы,
Шагнул он ввысь или назад...
А рядом, им и дела мало,
Орлы безмолвные парят.
Парили раньше здесь и ныне,
Превыше суетных людей,
Погрызших в склоках и гордыне.
И вековой покой камней...
Нет, не хранят седые горы
Ушедших в вечность имена.
У их подножья плещет море,
Сурова горная страна.
Бредут ли путники тропой,
Иль город строят у реки.
Сотрут всё годы, и укроют
Следы забвения пески.

Город

Город глотками подъездов пожирает наши души,
И машины в венах улиц с визгом шин пронзают ночь.
Где-то там, в тоннеле тёмном, ты внимательно послушай,
Бьётся каменное сердце, разгоняя темень прочь.
Он устал, вздыхает глухо, на углу скрипит трамваем.
Дремлет чутко, как огромный, неизвестный миру зверь.
В то же время всем знакомый, близок так и узнаваем.
Он хранилище всех наших обретений и потерь.
Мы вросли в его проспекты, побратались с площадями,
Этот воздух в наших лёгких стал привычным и родным
Он своей огромной тенью простирается над нами,
Знает всё о нас, как плачем, с кем враждуем или спим.
Нас по жизни носит ветер от вокзала до вокзала,
Мы спешим в аэропорты и летим скорей назад.
Он наш дом, и знать об этом – это, в общем-то, немало.
Легче жить на этом свете, если кто-то тебе рад.
Он собрал людские души и сложил в одну большую.
В ней умножились тревоги и людская доброта.
Вот поэтому, наверно, по нему мы так тоскуем
И в разлуках наши души раздрает пустота!

«Давай разбудим тишину...»

Давай разбудим тишину,
Но только очень осторожно,
Чтоб утро словом не спугнуть,
Ведь это в принципе возможно.
А звук шагов сродни часам —
Он тишины не разрывает,
Он в ткань её невольно сам
Свой ритм уверенно вплетает.
Не рвут будильники струны,
Что тянут сны из ночи вязкой.
Колёса поездов слышны
Не грохотом, а тихой сказкой.
Нет, пусть она ещё поспит,
Ведь ей и так чуть-чуть осталось.
Она вздохнёт и промолчит,
А может, мне всё показалось?

«Какая странная судьба!..»

Какая странная судьба!
От безнадёжности до веры.
В ней перепутались борьба
И безразличие, к примеру.
Причём не к чьим-то там слезам,
Но и к себе и даже к детям!
И не шокирован ты сам,
Не удивлён ни тем, ни этим.
Готов порвать ты вся и всех
По слову первому, по взгляду.
И вдруг прощаешь смертный грех
Тому, кто даже не был рядом
С тобою в горестях твоих.
И сердце обмануться радо,
А разум как-то разом стих...
Ну и кому такое надо?

«Облетают с меня печальки...»

Облетают с меня печальки,
Как и листья с багряных клёнов.
Улетают в туман, как чайки,
С непонятным тревожным стоном.
Я их даже не провожаю,
Пусть летят себе, им виднее.
Я печальки не собираю!
Мне без них на душе теплее.
Есть Печали – вот это ноша.
Не стряхнуть, не в гараж поставить.
Седина да Зимы пороша
Жёстко так начинают править.
Им, по сути, плевать на наши
Пожелания и хотелки.
Лишь берёзовой кормят кашей
Из глубокой такой тарелки.
И попробуй ты с ними спорить —
Моментально тебя отучат.
Позовут за Печалью Горе,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.